

Научная статья
УДК 314:332.1(571.13):338.2
doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-111-121

ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ РЕАКЦИОННЫХ АНТИКРИЗИСНЫХ МЕР РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Евгений Алексеевич Капогузов¹, Валерий Васильевич Карпов², Роман Игоревич Чупин³

¹Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия, egenk@mail.ru

^{2,3}Омский научный центр Сибирского отделения РАН, Омск, Россия

²karpov-v51@yandex.ru

³roman-chupin@ya.ru

Аннотация. Пандемия COVID-19 в 2020 году привела к беспрецедентному макроэкономическому спаду в ряде развитых стран, затронув ключевые сферы экономики и социума. Изучив опыт развитых стран по применению реакционных антикризисных мер в период пандемии COVID-19, определены последствия кризиса в зависимости от типов применяемой государственной политики. Вместе с тем, посредством детального анализа последствий пандемии для российских регионов выявлены взаимосвязи между особенностями пространственного развития территорий и наиболее пострадавшими отраслями экономики. Так, в регионах с сильной зависимостью от иностранной рабочей силы в секторах строительства и АПК отмечается резкий спад данных отраслей в период пандемии. На основе разработанной в ОНЦ СО РАН методики вычисления вероятностей реализации сценариев социально-экономического развития региона скорректированы оценки сценариев долгосрочного развития Омской области, согласно которым сценарий «общества риска» продолжает оставаться доминантным и определять траекторию развития Омской области после кризиса.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, реакционные антикризисные меры, последствия коронакризиса для регионов, развитие экономической безопасности регионов

Финансирование: исследование выполнено в рамках государственного задания Омского научного центра СО РАН (номер госрегистрации проекта 121022000112-2).

Для цитирования: Капогузов Е. А., Карпов В. В., Чупин Р. И. Возможности и ограничения российских регионов по использованию реакционных антикризисных мер развития экономической безопасности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 111–121. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-111-121>.

Problems of Economics

Original article

OPPORTUNITIES AND LIMITATIONS OF RUSSIAN REGIONS ON THE USE OF REACTIONARY ANTI-CRISIS MEASURES FOR THE DEVELOPMENT OF ECONOMIC SECURITY

Evgeny A. Kapoguzov¹, Valery V. Karpov², Roman I. Chupin³

¹Omsk State University named after F. M. Dostoevsky, Omsk, Russia, egenk@mail.ru

^{2,3}Omsk scientific center of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Omsk, Russia

²karpov-v51@yandex.ru

³roman-chupin@ya.ru

Abstract. The COVID-19 pandemic in 2020 led to an unprecedented macroeconomic downturn in a number of developed countries, affecting key areas of the economy and society. Having studied the experience of developed countries in the application of reactionary anti-crisis measures during the COVID-19 pandemic, the consequences of the crisis were determined depending on the types of government policies applied. At the same time, through a detailed analysis of the consequences of the pandemic for the Russian regions, the relationship between the features of the spatial development of territories and the most affected sectors of the economy was revealed. Thus, in regions with a strong dependence on foreign labor in the construction and agribusiness sectors, there is a sharp decline in these industries during the pandemic.

Based on the methodology for calculating the probabilities of implementing scenarios for the socio-economic development of the region, developed at the ONC SB RAS, the estimates of the scenarios of the long-term development of the Omsk region have been adjusted, according to which the scenario of the "risk society" continues to remain dominant and determine the trajectory of the development of the Omsk region after the crisis.

Keywords: COVID-19 pandemic, reactionary anti-crisis measures, the consequences of the coronavirus crisis for the regions, the development of the economic security of the regions

Financial Support: This work was carried out within the governmental order for Omsk Scientific Center SB RAS (project registration number 121022000112-2).

For citation: Капогузов Е. А., Карпов В. В., Чупин Р. И. Opportunities and limitations of Russian regions on the use of reactionary anti-crisis measures for the development of economic security. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(1):111-121. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-111-121>.

Введение. В современных условиях одной из ключевых проблем обеспечения стабильного (устойчивого) социально-экономического развития стала относительно низкая способность бизнеса, общества и власти оперативно реагировать на «новые» глобальные вызовы и угрозы. Угрозы при этом определяются как совокупность условий и факторов, создающих опасность жизненно важным интересам страны, территории, общества и личности [1].

Применительно к социально-экономическому развитию можно выделить в соответствии со Стратегией национальной безопасности РФ¹ ряд ключевых эндогенных угроз:

- консервация неэффективной постсоветской общественной системы государственной власти;
- искажение демократических преобразований в основных сферах общественной жизни и государственного управления;
- высокий уровень системной коррупции;
- затратная экономическая модель, неэффективное использование всех видов ресурсов и средств бюджета;
- неразвитость новых технологических укладов;
- демографический кризис;
- неконкурентоспособность и теневизация экономики и, как следствие, усиление социальной напряженности.

В рамках научного дискурса о национальной социально-экономической безопасности выделяют следующие основные условия, необходимые для ее обеспечения:

- расширенное воспроизводство экономической и социальной инфраструктуры (региональная экономика);
- недопущение критической энергетической, продуктовой, лекарственной и иной зависимости от импорта важнейших видов сырья и продукции первой необходимости;
- обеспечение необходимого уровня обслуживания социальных потребностей населения, стандартов и гарантий;
- обеспечение правовой защиты бизнеса и личности.

Устойчивое социально-экономическое развитие, таким образом, должно включать такое состояние экономики и социальных институтов, при котором социально-экономическая система способна оперативно реагировать на внешние и внутренние угрозы.

В настоящее время среди различных угроз национальной безопасности наиболее значимую роль занимают последствия пандемии коронавирусной инфекции – COVID-19 [2].

Отличительной чертой пандемии COVID-19 стала многократно усилившаяся негативная динамика социально-экономических показателей не только в отдельных регионах (экзогенные факторы), но и по всему миру (геополитические факторы). По оценке Всемирного банка, снижение ВВП на душу населения уже в 2020 г. произошло в более чем 90% стран, тогда как даже во времена Великой депрессии данный показатель затронул около 85% стран². В 1-3 кварталах 2020 г. в странах ЕС зафиксированы беспрецедентный с начала XXI в. макроэкономический спад (табл. 1).

¹ Указ Президента РФ от 31.12.2015 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Консультант Плюс. – URL:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/61a97f7ab0f2f3757fe034d11011c763bc2e593f/

² Global Economic Prospects / World Bank. URL:

<https://elibrary.worldbank.org/doi/pdf/10.1596/9781464815539>

Таблица 1 – Ключевые макроэкономические показатели в странах ЕС за 1-3 кварталы 2020 г.

Table 1 – Key macroeconomic indicators in the EU countries for the 1-3 quarters of 2020

Страны (тип политики, % расходов на борьбу с пандемией)	Расходы на потребление домашних хозяйств (в текущих ценах), млрд евро (% к 1-3 кварталам 2019 г.)	Государственные расходы на конечное потребление (в текущих ценах), млрд евро (% к 1-3 кварталам 2019 г.)	Валовое накопление основного капитала (в текущих ценах), млрд евро (% к 1-3 кварталам 2019 г.)
Германия (фискальная, 30-33%)	1 280 658 (-5,37%)	558 987,0 (+6,45%)	548 996,0 (-2,31%)
Швеция (монетарная, 30-33%)	155 165,6 (-3,44%)	93 709,3 (+1,77%)	86 047,5 (-2,29%)
Франция (фискальная, 20-28%)	907 630,0 (-6,90%)	419 533,0 (-1,0%)	382 207 (-10,75%)
Италия (фискальная, 20-28%)	722 917,5 (-10,4%)	255 041,2 (+1,63%)	219 662,0 (-9,28%)
Финляндия (монетарная, 20-28%)	90 322,0 (-4,42%)	42 500,0 (+2,02%)	42 494,0 (-1,41%)
Польша (фискальная, 11-19%)	222 885,9 (-2,26%)	73 860,9 (+4,07%)	68 873,6 (-6,33%)
Испания (монетарная, 11-19%)	462 281 (-13,41%)	184 445,0 (+5,33%)	163 153 (-11,95%)
Швейцария (фискальная, 5-9%)	249 846,3 (-1,43%)	58 257,7 (+7,39%)	125 663,3 (+1,99%)

Источник: Евростат (https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/National_accounts_and_GDP).

Исходя из представленных данных видно, что относительно больший ущерб от коронакризиса понесли менее развитые страны, тогда как страны с большим уровнем ВВП на душу населения, несмотря на более существенные потери в абсолютном выражении, относительно не пострадали. Среди наиболее «пострадавших» стран следует выделить Испанию, Италию и Францию, в которых зафиксировано существенное падение (более 5%) по расходам домашних хозяйств и валовому накоплению основного капитала. Следует отметить, что удельный вес государственных расходов, направленных на предотвращение последствий COVID-19, в данных странах составил от 19 до 28%, что значительно выше Швейцарии с антикризисным пакетом в 5% от ВВП. Таким образом, без детального рассмотрения кейса отдельно взятой страны связь между типом проводимой государственной антикризисной политики и объемом финансирования в явном виде не прослеживается. Однако если сравнивать приросты государственных расходов на конечное потребление в валовом выражении с последствиями кризиса для остальных компонентов совокупного спроса, то в случае с фискальной политикой особой связи между увеличением государственных расходов, уровня инвестиций и потребления нет. При этом в странах, где выбрана монетарная стратегия выхода из кризиса связь более чем существенная (Швеция и Испания).

В связи с вышесказанным актуализируется вопрос о влиянии различных вариантов государственной политики на макроэкономическую динамику. Возникший в 2020 году кризис не только демонстрирует различия в эффективности тех или иных выбранных стратегий, но и заставляет пересмотреть механизмы изменения равновесия и возможности по влиянию на него со стороны государства.

Последствия пандемии для экономической безопасности России и ее регионов. Для комплексного понимания влияния пандемии COVID-19 на различные сферы российской экономики обратимся к исследованию тенденций коронавирусного кризиса Н. В. Зубаревич и С. Г. Сафронова [3].

Наиболее болезненно острая фаза коронакризиса повлияла на сферу платных услуг (в апреле 2020 г. их объем снизился на 38% к тому же периоду 2019 г.) [4]. В эту же категорию входят услуги ЖКХ, на которых россияне начали активно экономить с началом пандемии. При этом динамика данных показателей на указанный период хуже в регионах с жесткими карантинными ограничениями (Московская область, Ленинградская область, Республика Якутия, Северный Кавказ и южные регионы).

Розничная торговля также пострадала от карантинных мер (оборот сократился на 23% к апрелю 2020 г.). Поскольку торговля наиболее развита в крупных городских агломерациях и региональных центрах, территориально кризисные показатели в данной сфере отличаются от сферы платных услуг. Наиболее пострадавшими оказались Москва, Санкт-Петербург, а также большинство регионов Южного и Северо-Кавказского ФО.

Спад промышленности тоже не был равномерным. Сокращение производства (на 12– 26%) произошло в двух группах регионов: регионы экспортеры нефти, алмазов и цветной металлургии (Ненецкий, Ханты Мансийский АО, республики Коми, Татарстан и Якутия, Томская область, Красноярский край), а также регионы, работающие в основном на внутренний рынок автомобильной, ювелирной и нефтеперерабатывающей промышленности (Самарская, Ульяновская, Костромская и Омская области).

Запаздывание статистики препятствует оценке двух острых проблем – снижения доходов и роста безработицы.

Повышение величины пособия по безработице и упрощение регистрации в службе занятости позволили оценить рост зарегистрированной безработицы. Уровень зарегистрированной безработицы вырос с 1% в конце марта до 2,9% в конце мая (наиболее значительно в Московской и Ленинградской области, Республике Татарстан, Тюменской, Нижегородской, Ульяновской и Калининградской областях). Абсолютный прирост численности зарегистрированных безработных был максимальным в регионах с более значительной занятостью в секторе услуг.

Ситуацию на рынке труда наиболее полно отражает динамика НДФЛ. В апреле снижение данного показателя произошло на 19%. Этот спад на фоне умеренного роста безработицы обусловлен массовым переходом на неполную занятость (простои, отпуск без сохранения зарплаты и т.д) и снижением заработной платы.

Можно сделать вывод, что острота коронакризиса обусловлена экономическими (снижение спроса) и социально-институциональными (карантинные ограничения) факторами. Четыре болевые точки (спад потребления, спад промышленности, рост безработицы и снижение доходов бюджетов в связи с падением поступлений НДФЛ), несомненно, приводят к снижению доходов населения. Однако оценить масштабы снижения уровня жизни и роста бедности не предполагалось возможным из-за запаздывания статистических данных. Наиболее пострадавшими при этом оказались крупные развитые регионы, но влияние карантинных мер было перекрыто другими поддерживающими мерами региональных экономик.

В целом, в России проводилась смешанная политика, включающая в себя как монетарные, так и фискальные инструменты поддержки экономики. В период пандемии государственные расходы выросли на 8,11% и составили 16 266,5 млрд руб. Данный рост не столь существенен по сравнению со странами ЕС, особенно учитывая положительное значение по притоку инвестиций на +0,27% к аналогичному периоду прошлого года, большая часть из которых приходится на государственные корпорации.

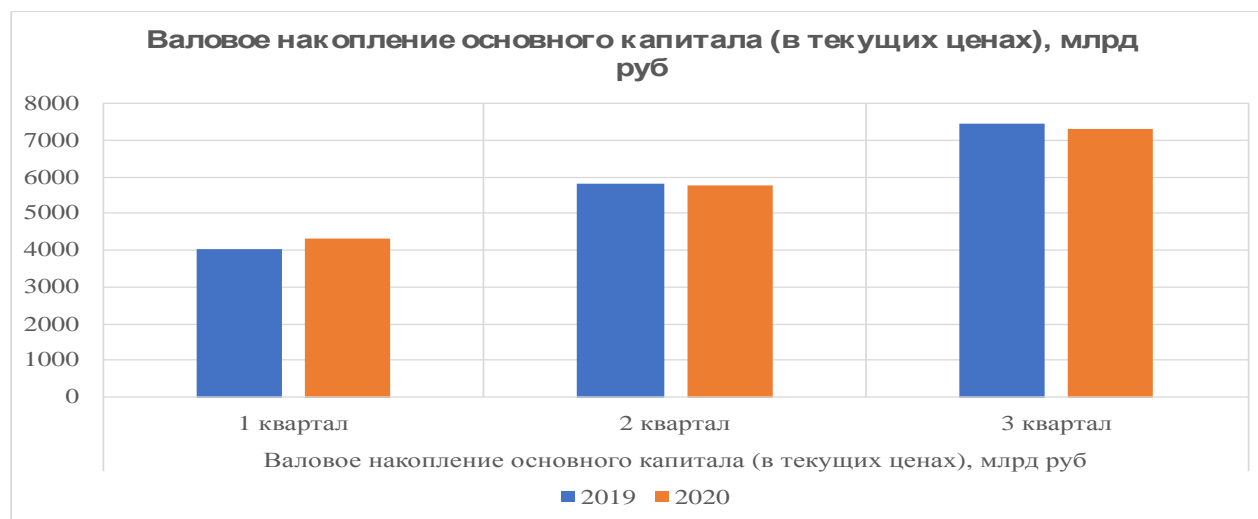

Рис. 1. Динамика инвестиций в России в 1-3 кварталах 2019-2020 гг.

Fig. 1. Dynamics of investments in Russia in the 1st-3rd quarters of 2019-2020

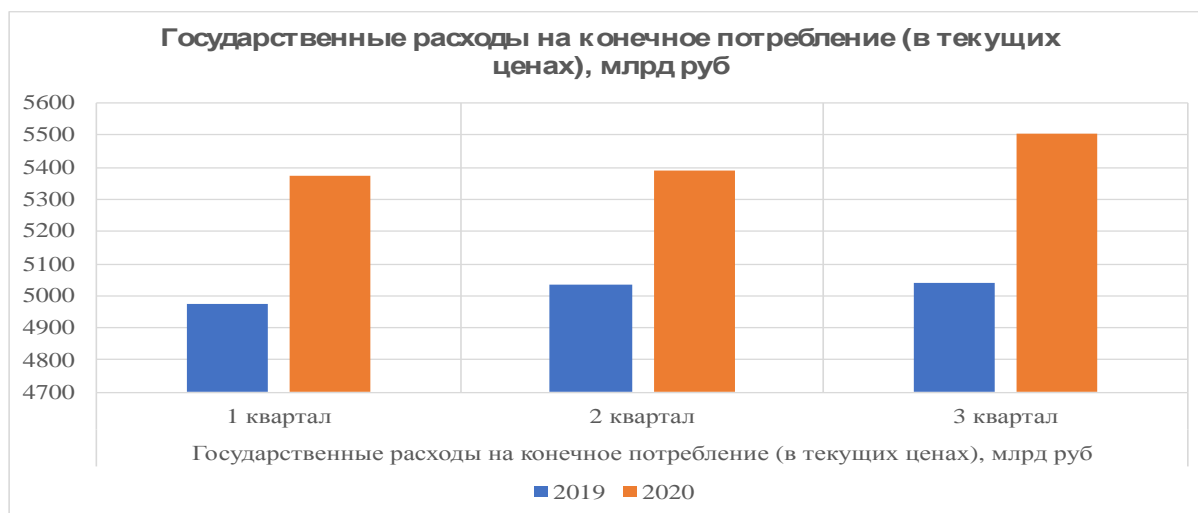

Рис. 2. Динамика государственных расходов в России в 1-3 кварталах 2019-2020 гг.

Fig. 2. Dynamics of government spending in Russia in the 1st-3rd quarters of 2019-2020

Ограничение передвижения, запрет на туристические поездки, это то, к чему оказалось не готово общество. Одна из крупнейших отраслей мировой экономики – туризм, ее доходы достигают 5,7 трлн долл. В сфере туризма работают почти 319 млн человек – около 10% всего работающего населения планеты. И именно этот сектор оказался наиболее уязвимым перед эпидемией вируса.

Ограниченные источники существования домохозяйств, связанные с сокращением доходов, потерей работы повлияли и на социально-экономическую активность людей. В условиях карантина траты на товары не первой необходимости (техника, одежда и другое) у большинства потребителей сократились. Кризис в отдельных семьях складывается в проблему для многих предпринимателей, а значит, и для всей экономики страны и мира.

По мнению академика А.Б. Аганбегяна, вследствие введения ограничительных мер по предупреждению распространения COVID-19 на территории Российской Федерации, в условиях режима жесткой самоизоляции (76% населения РФ находилось в самоизоляции) «свыше 25 млн. человек не работали, а треть предприятий и организаций отправили работников в вынужденные отпуска без оплаты»¹.

Семья чувствует психологический комфорт, проживая в собственной квартире, даже при потере работы можно найти деньги на оплату коммунальных платежей и не лишиться жилья, заплатить за аренду жилья в схожих условиях – сложнее, иногда невозможно. Кризис в условиях пандемии обнажил все эти проблемы. Как решать их – мало кто понимает, покажет время.

Последние исследования показывают, что нынешний кризис внес коррективы – создал тенденцию к увеличению издержек собственника, связанных с самоизоляцией. По данным исследования британской Гардиан (Guardian) счета за электроэнергию домохозяйств резко повысились от обычных средних значений в месяц на 30%. Исследования связывает возросшие счета за электроэнергию с тем, что семьи прикованы к дому и работают удаленно. Ожидается, что счета за электроэнергию поднимутся на треть, в среднем констатируют увеличение в Британии на 32 £ в месяц, так как потребители используют больше энергии, находясь дома [5].

Во время национального карантина использование домашних приборов – таких как стиральные машинки посудомоечные машинки, телевидение и свет – существенно возросли. Согласно новому исследованию сайта по сравнению цен comparethemarket.com, почти 3/4 (72%) из 2000 опрошенных потребителей сообщили о большем электропотреблении во время карантина, и почти половина 48% говорит, что больше членов их домохозяйств работают из дома. Дополнительное использование электроэнергии может привести к 37% повышению счетов за электроэнергию. Возросшие счета за электроэнергию являются причиной беспокойства для почти половины опрошенных, 44%, которые переживают, что работа из дома приведет к росту стоимости по счетам.

Таким образом, события пандемии 2020-2021 гг. повлекли за собой глубокую неустойчивость положения домохозяйств во всем мире. Это не могло не затронуть и Россию.

Так, согласно официальным статистическим данным, за 1-3 кварталы 2020 г. расходы на потребление российских домохозяйств сократились на 4,63% к аналогичному периоду 2019 г., тогда как уровень государственных расходов увеличился на 8,11%. В сравнении со странами ЕС данное падение

¹ Анагбегян А. (2020) Экономика на карантине // АИФ. – Режим доступа:

https://aif.ru/money/economy/ekonomika_na_karantine_pered_kakim_vyborom_segodnya_stoyat_glavy_regionov

Дата обращения – 08.01.2021.

не является столь существенными и свидетельствует либо о том, что падать больше некуда, либо об эффективных мерах политики (в том числе, единовременных выплат детям до 16 лет).

Несмотря на высокие издержки пандемии для россиян, российское государство, по мнению А.З. Бобылевой, В.М. Аньшина и А.В. Птицына, продемонстрировало скромность в финансировании антикризисных мер, заложив на борьбу с пандемией менее 5% ВВП (против 15% в странах G20) [6]. Оценочные значения фонда поддержки населения в условиях COVID-19 в России и ЕС представлены на рис. 4.

Рис. 3. Динамика потребления домашних хозяйств в России в 1-3 кварталах 2019-2020 гг.
Fig. 3. Dynamics of household consumption in Russia in the 1st-3rd quarters of 2019-2020

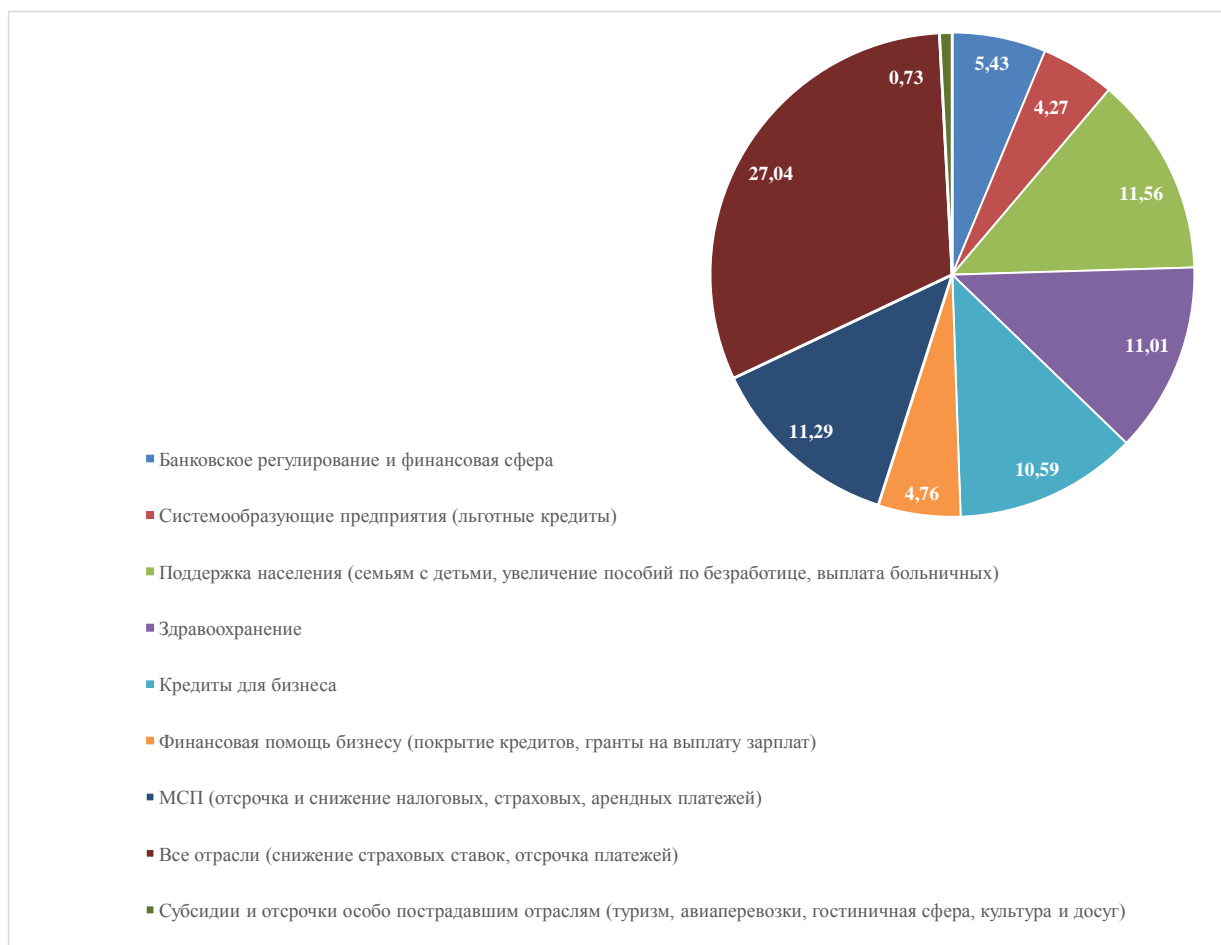

Рис. 4. Структура государственных расходов на антикризисные меры в России
Fig. 4. Structure of government spending on anti-crisis measures in Russia

Ряд российских ученых отмечают, что антикризисные меры не дали должного эффекта на уровне российских регионов. Так, в исследовании Е.А. Коломак отмечено, что ряд регионов Российской Федерации существенно «потеряли» в период пандемии COVID-19 [7]. При этом, обращаясь к детальному обзору научных исследований, посвященных изучению последствий пандемии на развитие российских регионов, следует отметить значительную поляризацию мнений относительно кризиса (табл. 2).

Таблица 2 – Последствия коронакризиса для российских регионов

Table 2 - Effects of coronacrisis on Russian regions

Федеральный округ	Негативные последствия	Позитивные изменения	Наиболее пострадавшие сферы
ЦФО	Наиболее сильный удар пришелся на транзакционный сектор экономики, включая сферу услуг и финансовую сферу [8]	Рост строительной сферы, а также интенсивное развитие цифровой экономики [9]	- транзакционный сектор; - финансовый сектор
СЗФО	Среди пострадавших отраслей в первую очередь отмечается сектор транспортных грузоперевозок [10]	На фоне кризиса произошел рост транзакционного сектора [11]	- туристический сектор; - сектор транспортных перевозок
ПФО	Резкое сокращение деловой активности в АПК, сокращение доли МСП [12]	При этом отмечается рост промышленного сектора, а также сферы строительства [13]	- малое и среднее предпринимательство; - АПК
ЮФО	В период пандемии сокращение туристического сектора [14]	Рост АПК и производства сельскохозяйственной продукции [15]	- транзакционный сектор; - туристический сектор
УФО	Срывы в цепочках поставок и кадровый кризис в сфере добычи и промышленного производства [16]	Развитие транзакционного сектора и цифровой экономики [17]	- промышленный сектор; - добыча полезных ископаемых
СФО	Отмечается спад деловой активности и резкое сокращение субъектов малого и среднего предпринимательства [18]	Рост выпуска АПК, а также строительной сферы [19]	- малое и среднее предпринимательство; - промышленный сектор; - сектор строительства
ДФО	В отсутствие иностранной рабочей силы (в том числе, из КНР) резкий спад АПК	Развитие МСП и транспортных перевозок [20]	- транзакционный сектор; - АПК

Источник: составлено авторами.

Таким образом, последствия пандемии COVID-19 являются различными для регионов РФ. Однако все же существуют взаимосвязи между особенностями пространственного развития территорий и наиболее пострадавшими отраслями экономик. Так, в регионах с сильной зависимостью от иностранной рабочей силы в секторах строительства и АПК отмечается резкий спад данных отраслей в период пандемии.

Кроме того, пандемия усилила негативные тенденции в тех секторах региональных экономик, которые испытывали экономические трудности после 2015 года, в том числе в числе пострадавших оказался промышленный сектор регионов Урала и Сибири, которые были не готовы к срыву международных цепочек поставок и дефициту финансовых ресурсов.

Исходя из вышесказанного следует заключить, что пандемия COVID-19 не столько создала «новые» угрозы для развития региональных экономик, сколько обострила уже существующие вызовы и усилила риски развития экономической безопасности территорий. Для этого представляется необходимым провести актуализацию угроз комплексного социально-экономического развития на региональном уровне посредством вовлечения экспертной информации для анализа степени выраженности (вероятности) возникновения той или иной угрозы на определенной территории. Для этого в исследовании предлагается использовать разработанную на базе ОНЦ СО РАН методику и программу вычисления вероятностей реализации сценариев социально-экономического развития

региона «Probabilities Of Realization Scenarios» (дата государственной регистрации 17 июля 2019 года), позволяющую экспертам предписывать события различным сценариям за счет оценивания апостериорных вероятностей событий при условии, что реализуется тот или иной сценарий, а затем, определить вероятности сценариев на основе априорных вероятностей событий. Плюсом метода является то, что все сценарии имеют шансы, существенно отличающиеся от нуля; также отсутствуют явно доминирующие сценарии.

Сценарии развития экономической безопасности российских регионов в посткризисный период (кейс Омской области). В 2019 году нами уже была произведена оценка сценариев развития Омской области, которые учитывали имеющиеся в период до коронакризиса угрозы социально-экономического развития региона. Было определено движение по направлению «Общество всеобщего риска» (35%) выглядит наиболее вероятным. Данный сценарий не предполагает интенсивного развития социальной сферы и экономики, в регионе следует ожидать усугубление дифференциации населения по социальному благополучию и по доходам, не предполагает полномасштабного перехода к новой модели экономического развития, отсюда наиболее вероятные события, которыми разрешается каждая проблема развития, характеризуются незначительными изменениями во всех процессах, протекающих в социально-экономической сфере [21].

В опросе 2021 года нами были привлечена та же выборка, в рамках которой каждому эксперту предложено две анкеты. Первая анкета содержит события, раскрывающие каждую проблему социально-экономического развития региона в априорном варианте, то есть без отношения к возможным сценариям развития. В свою очередь вторая анкета содержит те же самые события, связанные с одной из проблем. Однако эксперту предлагается оценить вероятность этих событий уже с учетом сценариев, получив тем самым условные вероятности в предположении неперменной реализации одного из сценариев. В результате оценки безусловных и условных вероятностей событий по всем выделенным проблемам агрегируются между экспертами в две сводные таблицы и подвергаются автоматической обработке.

Как и в предыдущем исследовании были рассмотрены три сценария развития экономической безопасности региона, в числе которых:

1) «общество всеобщего риска», описанное в работах О. Н. Яницкого [22]. Согласно данному сценарию стоит ожидать сокращению уровня доверия к власти, а также деградации ключевых институтов, роста социальной напряженности и астенического синдрома;

2) «абортивная модернизация». В соответствии с прогнозами Л. Гудкова [23] при этом сценарии отмечается существенное расслоение общества на активных-лояльных и нелояльных власти с примерно симметричным распределением по доходам. Усиление сетевых связей при косвенном государственном присутствии для предотвращения ситуаций риска вне институционализированного поля.

3) «рецидивирующая модернизация» в трактовке Н.Ф. Наумовой [24]. В соответствии с ней, кризис может привести к выработке и/или закреплению пространственной специализации. В части экономических стимулов отмечается формирование новых кооперационных связей и рост деловой активности, тогда как социальная сфера характеризуется интенсификацией социального контроля.

В результате реализации метода были получены следующие агрегированные вероятности сценариев:

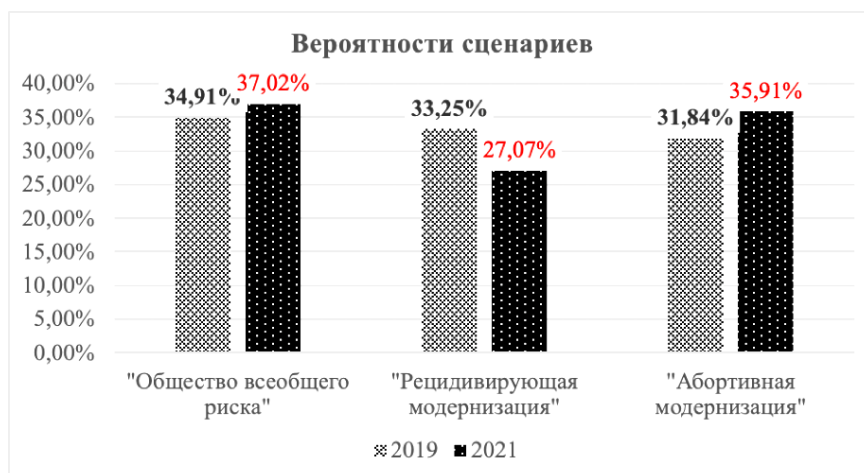

Рис. 5. – Вероятности сценариев развития экономической безопасности Омской области

Fig. 5. – Probabilities of economic security development scenarios of Omsk region

Следует констатировать, что, несмотря на принятые в период пандемии меры резко существенно возросла вероятность сценариев «общества риска» и «абортивной модернизации». При этом сценарий «общества риска» продолжает оставаться доминантным и определять траекторию развития Омской области после кризиса. Во многом неблагоприятные оценки обусловлены затяжным характером кризиса, а также отсутствием четкой стратегии выхода из него в ожидании очередных ограничений. Получение таких оценок связано в первую очередь с тем, что агрегированные оценки безусловных вероятностей при рецидивирующей модернизации несильно отличаются от безусловных вероятностей в кризисный период.

Список источников

1. Чичканов В.П., Беляевская-Плотник Л.А. Анализ подходов к оценке региональных процессов формирования социально-экономической безопасности // Экономика региона. 2016. Т. 12. № 3. С. 654–669.
2. Аганбегян А.Г. Кризис как окно возможностей для социально-экономического развития // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. Т. 223. № 3. С. 47–69.
3. Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Регионы России в острой фазе коронавирусного кризиса: отличия от предыдущих экономических кризисов 2000-х // Региональные исследования. 2020. № 2. С. 417.
4. Капогузов Е.А., Чупин Р.И. Падение транзакционного сектора: апрельские тренды и последствия альтернатив экономической политики // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14. № 2. С. 381–391.
5. Partridge J. UK household energy bills to soar by £32 per month/Mon 4 May 2020 06.01 BST. Электронный ресурс: <https://www.theguardian.com/money/2020/may/04/uk-household-energy-bills-to-soar-by-32-per-month>. Дата обращения 17.01.2021.
6. Бобылева А. З., Аньшин В.М., Птицын А.В. Новые вызовы: сравнительный анализ международных реактивных антикризисных мер в связи с пандемией COVID-19 // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 81. С. 25–49.
7. Коломак Е.А. Экономические последствия COVID-19 для регионов России // ЭКО. 2020. № 12. С. 143–153.
8. Овешникова Л.В., Сибирская Е.В. COVID-19 и его деструктивное влияние на экономическую безопасность регионов России // Россия: тенденции и перспективы развития. 2021. № 16-1. С. 1052–1055.
9. Брагина А.В., Пилипенко Д.В., Ахмадеев Д.Р. Влияние COVID-19 и вызванного им кризиса на Российскую экономику // E-Scio. 2020. № 8 (47).
10. Трополева О.С. Оценка влияния пандемии (COVID-19) на инвестиционный процесс в строительстве в г. Санкт-Петербург // Актуальные вопросы экономических наук и современного менеджмента. 2021. С. 65–73.
11. Мирюлюбова Т.В., Ворончихина Е.Н. Пространственная неравномерность влияния пандемии COVID-19 на социально-экономическое развитие регионов России // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2021. Т. 16. № 3. С. 238–254.
12. Видяйкина П.М., Таурова Д.А., Лаврентьева Л.В. Влияние пандемии на развитие малого и среднего бизнеса на примере Приволжского федерального округа // Актуальные вопросы финансов и страхования России на современном этапе. 2020. С. 85–89.
13. Asiliar G. Modeling scenarios for increasing the investment attractiveness of the processing industry of the Republic of Tatarstan // St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics. 2020. Т. 13. № 4. С. 74.
14. Горшкова А.В. Влияние пандемии COVID-19 на экономику российских регионов (на примере Южного федерального округа) // Социально-экономическое развитие России. 2020. С. 178–180.
15. Макарова И.В., Лепеш Г.В., Угольников О.Д. Промышленная политика индустриально развитых регионов РФ: новая реальность // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2020. № 6 (126). С. 42–47.
16. Силин Я.П. Средний Урал в тисках новой реальности // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. Т. 223. № 3. С. 445–450.
17. Мельниченко Э.О., Иванова И.К. Влияние пандемии на состояние экономики Новосибирска и Новосибирской области // Города России: проблемы строительства, инженерного обеспечения, благоустройства и экологии. 2021. С. 132–135.

18. Антипина Ю.В. Сравнительный анализ экономических особенностей развития крупных городских агломераций Сибири в условиях пандемии // Возможности развития социально-экономического пространства сибирского макрорегиона в условиях глобальной нестабильности / Материалы Научных чтений памяти сибирских географов (Иркутск, 31 мая – 2 июня 2021 г.). Иркутск: Изд-во Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2021. С. 36–39.
19. Жуплей И.В., Потенко Т.А., Шмидт Ю.И. Угрозы аграрному сектору Дальневосточного федерального округа РФ: уроки кризисов // Экономика и предпринимательство. 2020. № 6. С. 330–334.
20. Антонова Н.Е., Ломакина Н.В. Особенности экономических последствий «пандемийного» кризиса в ресурсных отраслях Дальнего Востока // Ресурсная экономика, изменение климата и рациональное природопользование. 2021. С. 14.
21. Капогузов Е.А., Чупин Р.И., Харламова М.С., Цатурян А.С. Социально-демографические факторы обеспечения региональной экономической безопасности (по материалам Омской области) // Актуальные проблемы экономики и права. 2019. Т. 13, № 4. С. 1605–1619.
22. Яницкий О.Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. Т. XII, № 1. С. 3–35.
23. Гудков Л. Абортивная модернизация. М.: РОССПЭН, 2011.
24. Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России как форма развития цивилизации // Социологический журнал. 1996. №3–4. С. 5–28.

References

1. Chichkanov V. P., Belyaevskaya-Plotnik L. A. Analysis of approaches to assessing regional processes for the formation of socio-economic security. *Ekonomika regiona = Economics of the region*. 2016;12(3):654–669. (In Russ.)
2. Aganbegyan A. G. Crisis as a window of opportunity for socio-economic development. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific works of the Free Economic Society of Russia*. 2020;223(3):47–69. (In Russ.)
3. Zubarevich N. V., Safronov S. G. Regions of Russia in the acute phase of the coronavirus crisis: differences from previous economic crises of the 2000s. *Regional'nye issledovaniya = Regional studies*. 2020;(2):417. (In Russ.)
4. Kapoguzov E. A., Chupin R. I. The fall of the transaction sector: April trends and the consequences of alternatives to economic policy. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava = Current problems of the economy and law*. 2020;14(2):381–391. (In Russ.)
5. Partridge J. UK household energy bills to soar by £32 per month/Mon 4 May 2020 06.01 BST. Available from: <https://www.theguardian.com/money/2020/may/04/uk-household-energy-bills-to-soar-by-32-per-month>. [Accessed 17 January 2021].
6. Bobyleva A. Z., Anshin V.M., Ptitsyn A. V. New challenges: comparative analysis of international reactive anti-crisis measures in connection with the COVID-19 pandemic. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik = State Administration. Electronic bulletin*. 2020;(81):25–49. (In Russ.)
7. Kolomak E. A. Economic consequences of COVID-19 for the regions of Russia. *EKO*. 2020;(12):143–153. (In Russ.)
8. Oveshnikova L. V., Siberian E. V. COVID-19 and its destructive impact on the economic security of the regions of Russia. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya = Russia: trends and prospects for development*. 2021;(16-1):1052–1055. (In Russ.)
9. Bragina A. V., Pilipenko D. V., Akhmadeev D. R. Influence of COVID-19 and its crisis on the Russian economy. *E-Scio*. 2020;8(47). (In Russ.)
10. Tropoleva O. S. Assessing the impact of the pandemic (COVID-19) on the investment process in construction in St. Petersburg. *Aktual'nye voprosy ekonomicheskikh nauk i sovremennogo menedzhmenta = Topical issues of economic sciences and modern management*. 2021:65–73. (In Russ.)
11. Mirol'yubova T. V., Voronchikhina E. N. Spatial unevenness of the influence of the COVID-19 pandemic on the socio-economic development of the regions of Russia. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Ekonomika = Bulletin of the Perm University. Series: Economics*. 2021;16(3):238–254. (In Russ.)
12. Vidyaykina P. M., Taurova D. A., Lavrentieva L. V. The impact of the pandemic on the development of small and medium-sized businesses on the example of the Volga Federal District. *Aktual'nye voprosy finansov i strakhovaniya Rossii na sovremennom etape = Current issues of finance and insurance in Russia at the present stage*. 2020:85–89. (In Russ.)
13. Asiliar G. Modeling scenarios for increasing the investment attractiveness of the processing industry of the Republic of Tatarstan. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics*. 2020;13(4):74. (In Russ.)

14. Gorshkova A. V. The impact of the COVID-19 pandemic on the economy of Russian regions (using the example of the Southern Federal District). *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Rossii = Socio-economic development of Russia*. 2020:178–180. (In Russ.)
15. Makarova I. V., Lepesh G. V., Ugolnikova O. D. Industrial policy of the industrialized regions of the Russian Federation: a new reality. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = News of St. Petersburg State Economic University*. 2020;6(126):42–47. (In Russ.)
16. Silin Y. P. Sredny Ural in the grip of a new reality. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific works of the Free Economic Society of Russia*. 2020;223(3):445–450. (In Russ.)
17. Melnichenko E. O., Ivanova I. K. The impact of the pandemic on the state of the economy of Novosibirsk and the Novosibirsk region. *Goroda Rossii: problemy stroitel'stva, inzhenernogo obespecheniya, blagoustroystva i ekologii = Cities of Russia: problems of construction, engineering, improvement and ecology*. 2021:132–135. (In Russ.)
18. Antipina Yu. V. Comparative Analysis of the Economic Features of the Development of Large Urban Agglomerations of Siberia in Pandemic Conditions. In: *Opportunities for the Development of the Socio-Economic Space of the Siberian Macroregion in Conditions of Global Instability*. Materials of Scientific Readings in Memory of Siberian Geographers (Irkutsk, May 31 - June 2, 2021). Irkutsk: Publishing House of the Institute of Geography named after V.B. Sochava SB RAS; 2021:36–39. (In Russ.)
19. Zhuplei I. V., Potenko T. A., Schmidt Yu. I. Threats to the agrarian sector of the Far Eastern Federal District of the Russian Federation: lessons from crises. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and entrepreneurship*. 2020;(6):330–334. (In Russ.)
20. Antonova N. E., Lomakina N. V. Features of the economic consequences of the "pandemic" crisis in the resource sectors of the Far East. *Resursnaya ekonomika, izmenenie klimata i ratsional'noe prirodopol'zovanie = Resource economy, climate change and environmental management*. 2021:14. (In Russ.)
21. Kapoguzov E. A., Chupin R. I., Kharlamova M. S., Tsaturyan A. S. Socio-demographic factors for ensuring regional economic security (based on materials from the Omsk region). *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava = Current problems of economics and law*. 2019;13(4):1605–1619. (In Russ.)
22. Yanitsky O. N. Sociology of Risk: Key Ideas. *Mir Rossii = World of Russia*. 2003;XII(1):3–35. (In Russ.)
23. Gudkov L. *Abortive modernization*. Moscow: ROSSPAN; 2011. (In Russ.)
24. Naumova N. F. Recurrent modernization in Russia as a form of civilization development. *Sotsiologicheskii zhurnal = Sociological journal*. 1996;3–4:5–28. (In Russ.)

Информация об авторах

Е. А. Капогузов – докт. экон. наук, доц., зав. кафедрой экономической теории и мировой экономики;
 В. В. Карпов – докт. экон. наук, проф., председатель;
 Р. И. Чупин – канд. социол. наук, науч. сотр.

Information about the authors

E. A. Kapoguzov – Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Economics and World Economy;
 V. V. Karpov – Doctor of Economics, Professor, Chairman;
 R. I. Chupin – Candidate of Sociological Sciences, Researcher.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
 Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.01.2022; одобрена после рецензирования 30.01.2022; принята к публикации 02.02.2022.

The article was submitted 12.01.2022; approved after reviewing 30.01.2022; accepted for publication 02.02.2022.